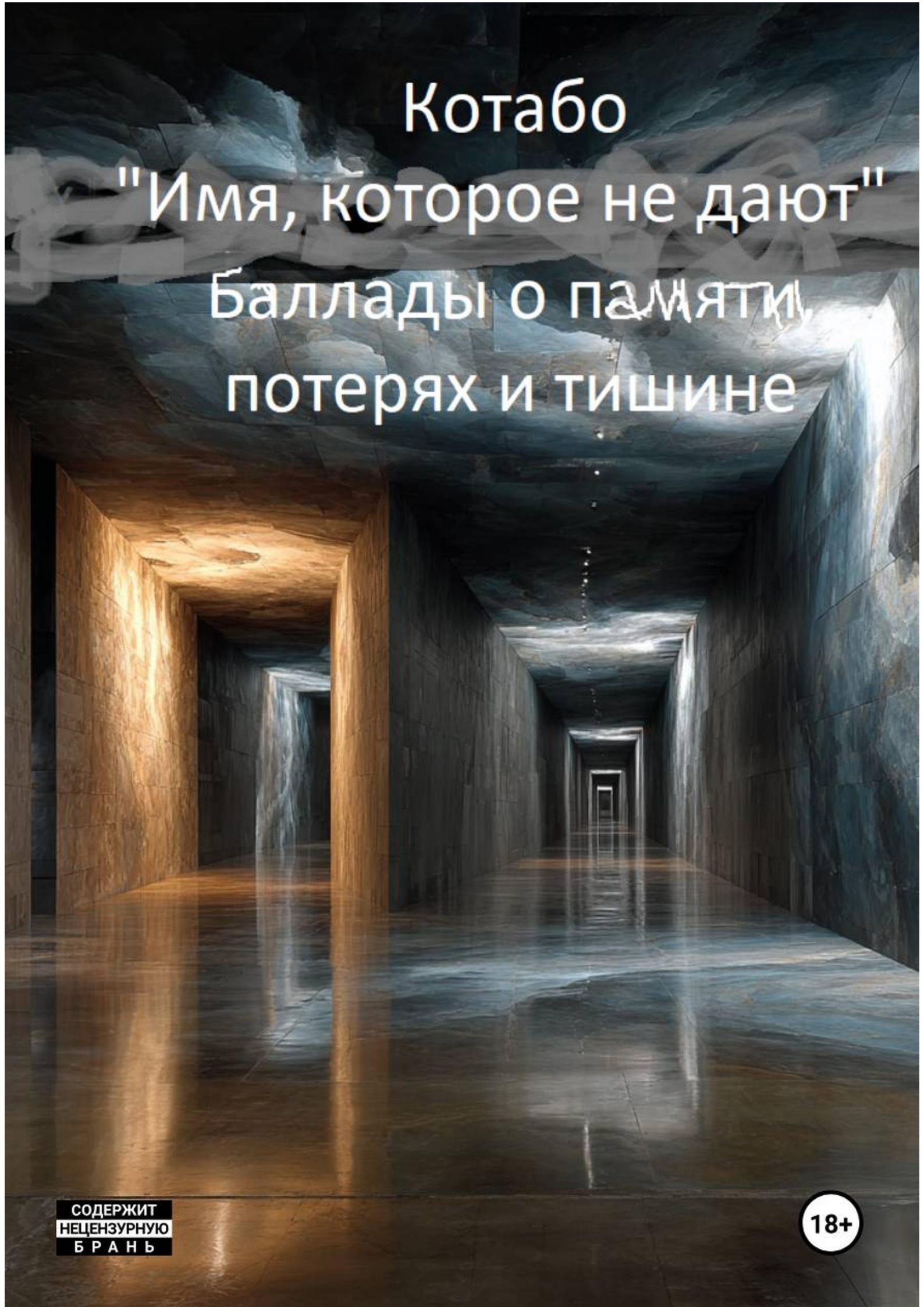

Котабо
"Имя, которое не дают"
Баллады о памяти,
потерях и тишине
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Котабо

Имя, которое не дают

«Автор»
2026

Котабо

Имя, которое не дают / Котабо — «Автор», 2026

Перед вами не сборник стихов в привычном смысле. Это хриплый, исповедальный разговор с тем, кто ушёл, но остался — под рёбрами, в ровном тепле, в запахе багульника после дождя.Голосом — надрывным, нежным, с «аллилуйя» и свечой на подоконнике — здесь поют о самом сокровенном: о детских полётах в звёздную бездну, о мартовском «прощай» через тридцать лет после ноябрьского «да», о яблоках, написанных кистью вместо панихиды, о тихом соседстве с потерей, которое оказывается любовью.Космос — не в телескопах и не в гипнотической дали. Космос — за грудиной. Имя — не в паспорте, а на кончике языка, когда ты говоришь спящему: «Ты — это ты». Нулевая точка — не на карте звёзд, а между «спать» и «вставать», между кружкой парного молока и котом, что греет ноги.Эти баллады не утешают. Они свидетельствуют: можно дышать, даже когда нечем. И можно молчать — потому что тишина между словами иногда говорит громче.

© Котабо, 2026
© Автор, 2026

Содержание

«След на песке» 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Котабо
Имя, которое не дают

«
Под рёбрами — Нулевая»
А не звёзды помнить — уметь не забыть,

как земля, братцы, пахнет на излёте зимы.

Как мать замирала, кружку не чай — жизнь

держала в руке, и боялась, что дрогнут «мы»,

потому что дочка улетит не туда —

не в школу, не в гости — в звёздную пустоту.

А девочка просто в багульник тот, в синь, в дымы

вгляделась — и в этом была её главная:
не гордость, не вызов — а тихое «да»

тому, что не купишь, не снимешь, не выжжешь.

Пока глина, братцы, на пальцах — ты не беда,

не расходный материал. Ты — тот, кто дышит,

пока кошка глядит из лампад — не спугнуть.

Тебя не обманут ни флот, ни два солнца,

ни голос из радио «Будьте бдительны, суть

не в спиралях, а в нашем, в «вотэтом», в оконце».
Забудешь — и станешь послушной, пустой,

как стакан после водки, как вешалка в школе.

А помнишь — и мир не проймёт, никакой

операционной. Герой — не тот в поле,

кто лозунг орёт и мечом потрясает — а тот,

кто сжимает в ладони не бластер, не знамя,

а мышонка, гусеницу — жизнь, братцы, ворох её, в животе,

на ладони — след тигра на глине, ирисы, пламя.
А чужие хирурги хотят вскрыть черепную —

багульник и лёд оттуда вынуть, чтоб сдать

в архив. «Не дай», — шепчет память. Не будь святой.

Ты не так поняла своё звёздное родство.

Ты думала — крылья. А надо — корни.

Вот почему твой полёт через трещину льда

был не бегством — паденьем в детство, в то,

что держит крепче ремней, чем любые лады.

Ты вернулась на землю, ударившись больно,

и с тех пор каждый шаг, каждый вздох, каждый сон

об ондатрах, о мышах — твой якорь, твой ноль,

от которого дом и поныне не рухнул, не пал, не сгорел.
Нулевая точка — не там, за орбитой Нептуна,

в пыли светящейся. Здесь. Меж «спать» и «вставать».

Меж мамой, что гладит, и зверем, что прикормила,

и не надо — не надо больше дерьма ради бога — стрелять.

Меж вкусом парного молока и костра,

на котором жарили «бабки», — там, братцы, ищи.

Не на карте звёзд — на кончике языка

вишнёвый вкус, в ушах — гуденье шмеля.

Память — не архив, не пыльный шкаф, не руина.

Память — броня, которую не пробить

ни «благом» из пробирки, ни объектом, ни штык-виной.

Потому что девочка, помнящая звёзды, решила

взять себе в свидетели каждый овраг, каждый шаг, каждый миг.
И теперь, когда в операционной свет,

и женщина в чёрном про «справедливость» талдычит —

она закрывает глаза. И её там нет.

Потому что она уже выбрала. И осталась.

Не с теми, кто лечит огнём и ножом.

С теми, кто помнит, как пахнет багульник дождливым

утром, когда ещё можно нагишом

пробежать по росе, и ловить — не спеша, не спеша —

этот мир. Пока кот скребётся в закрытую дверь.

Пока на тумбочке светится камень — смотри, не разбей.

Пока не сказали: «Забудь и поверь».

А ты отвечаешь: «Я помню. Память, братцы, не отменить.

Я из тех, кто не спит, когда спящим внушают,

что звёзды — холодный вакуум. Чушь, родимые, чушь.

Звёзды — это лапки мышат на ладони. И этой свободой

не торгуют. Её не отнять. Она — в натуре, в нутре, под рёбрами, там,

под ребром, где когда-то жгло два солнца. А выжгло — багульник, да так,

что и выжженная Нулевая точка — свята,

как в детстве. Входите, не бойтесь. Здесь

нет операционных. И чёрный флот

проплывёт мимо. Только ветер с сопок,

только мать на пороге, только лёд,

только вечность, которой, братцы, на всех хватает —

на кота, на Ирис, на тебя, на того, на звёзды,

которые, если честно, тоже хотят

по-земному, по-нашему — побыть не всерьёз, а до

первой трещины, как ты когда-то, Криста.
Помни это.

А остальное — вода, слова, пыль, перекати-поле.
Аллилуйя. И свеча на подоконнике.

И не надо больше никаких «как помочь?»

Просто сиди под лампой. Дыши. И помни.

Память — это Нулевая. Из неё — не упасть.

Только глубже — в багульник, в ирисы, в молоко парное,

в полёт над осокой, в алмаз в овраге, в кота.

Что смотрит жёлтыми глазами. И не отпускает.

«След на песке»

А не там, братцы, два солнца жгут под рёбрами старую рану,

не в операционной из чужого сна,

не в дыре Пантеона, откуда видна изнанка

мира — там, где кончается наша весна.

Смысл — не в тронах двенадцати, и не в камне с живой галактикой,

не в том, чтобы видеть звёздную речь на бегу.

Смысл — в промежутке меж первой трещиной во льду и последней практикой.

В тишине, где нечем, родимые, пренебречь.
Ты думал, безупречность — это стать неуязвимым?

Нет. Безупречность — позволить пустоте,

как входят в дом к любимым, шаркнув ножкой, с мороза,

скинув за порогом всё — даже «я» и «ты».

Ты искал закономерность — и выстроил семь слоёв,

шестьдесят четыре архетипа, двадцать семь правил снов.

Но каждая схема треснула в ту секунду,

как ты понял, сестрица: учебник — всего лишь след,

а учитель — то место, где ты утонуть не боялся,

где не было даже «вернуться», где не было слова «нет».
Вот что помнит Криста — не звёздный иероглиф,

не туманность вон там, в телескопе, — а запах багульника после дождя.

друг — не Подпись, а то, как мать, в темноту глядя,

кружку с парным молоком на плиту поставила не спеша.

Ты — не таблички, а электричку, где светится каждый усталый, просящий простить себя.

Побратим — не слои, не структуры, не бред,

а песок между пальцев, и то, как Учитель уходил в никуда, не сказав «прощай».
Вот настоящее знание, слышь, — камни помнят тепло человека,

который держал их просто так, без причины, не для коллекций, не для схем.

Время течёт не в коллайдере — в зажившей трещине

на чашке, из которой пил отец. Из которой пил ты и пил.

Вселенная — не в сверхновой, не в чёрной дыре, не в науке,

а в вишнёвой косточке, что упала в траву — и забылась навек.
И когда ты поймёшь, что искать — значит быть,

не впадая в отчаянье от недостижимости купола,

что самое сложное — просто жить,

не раскладывая жизнь на уровни и значимости,

тогда ты увидишь: все двери давно не заперты,

все камни давно проросли, все спящие — это мы,

и единственное, чего не хватает для выхода из лабиринта, —

это шагнуть в обычный рассвет, не надеясь уже ничего обрести.
Не в Нулевой точке Ландшафта, не в белой сфере

и не в теле света, не в тёмной ночи души.

Дом, братцы, там, где чайник кипит, и окно настежь,

и кот на коленях урчит, не спеша решать,

кто из нас Властелин Времени, а кто — просто тот, кто дышит,

кто помнит багульник, мышей, лёд, ондатр и вишни,

и кому всё равно нечего больше сказать,

кроме как: «Здравствуй, рассвет. Я устал. Давай помолчим».
Вот что на самом деле написано в этих безумных свитках.

Не рецепт спасения. Не карта чужих миров.

Просто однажды ночью, когда ты забудешь молитвы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.